

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ VS ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Северо-Осетинский государственный университет

Интертекстуальность является одной из ключевых концепций современной философии культуры языка. Специфика сегодняшней культурно-речевой ситуации заключается в широком использовании в повседневном общении прецедентных текстов, преимущественно рекламных фраз из фильмов, песен, в меньшей степени – афоризмов и цитат из художественных произведений. Принято полагать, что сфера межтекстовых связей постмодернизма ограничена бытовой стереотипной интертекстуальностью.

Любое художественное произведение в свете ориентации словесного произведения на “чужое слово” в концепции М.М. Бахтина представляет собой диалог культур во времени и пространстве. Для правильного восприятия текстов необходима декодировка прецедентности, поскольку текстовая прецедентность пронизывает всю текстовую концептосферу. Текстовое пространство понимается как сумма всех созданных вербальных и невербальных текстов. Такое широкое понимание текста, распространяемое на невербальные тексты, способствует семиотизации культуры, приводя к тому, что текст становится символом объединения всех гуманитарных наук, главной фигурой в современном гуманитарном дискурсе, а смена гуманитарных научных парадигм, начавшаяся во второй половине XX века, завершила процесс текстуализации мира в период постмодернизма. С одной стороны, постмодернизм рассматривается как основное направление в современной философии, с другой стороны – как художественный метод. Текстуализация мира и сознания осуществляются в рамках классической триады “язык – текст – культура”, которые получили статус семиотических явлений.

Исследование проблем интертекстуальности, прецедентности и вторичности находятся в тесной взаимосвязи. Вторичность, как и прецедентность, имеет интертекстуальную природу. Прецедентные и вторичные тексты формируются в результате межтекстового взаимодействия и предполагают диалогическое взаимодействие в процессе функционирования. Вторичность и прецедентность понимаются как разновидности диалогических связей, т.е. как интертекстуальность. Вторичный текст, с одной стороны, является разновидностью интертекстов, с другой – может принадлежать прецедентным феноменам.

С.В. Ионова предлагает рассматривать интертекстуальность с позиций выделения двух осей – синтагматической и парадигматической [3: 16-17].

Синтагматическая ось формируется линейными связями произведений единого текстового пространства. Сюда относятся тексты, апеллирующие к готовым словесным образцам, интертекстам, включаемым в ткань нового произведения (аллюзии, реминисценции, цитаты и т.д.), таким образом, по Ю.Н. Караулову, подразумевается семиотический способ введения прецедентного текста в дискурс. Кроме того, аллюзия предполагает модификацию в плане содержания взаимодействия ситуативного и принимающего контекстов. Сюда же примыкают тексты, соединяемые с другими текстами отношениями соположения, так называемые сверхтекстовые образования (сборники, циклы и др.).

Парадигматическая ось объединяет тексты, связанные отношениями производности. Она формируется речевыми произведениями, образованными в результате преобразования в содержательной структуре разных типов. Это тексты репродуктивного, адаптирующего типа (изложение, конспекты, рефераты), комментарии, толкования, версии для детей, интерпретативного типа (комментарии, толкования, переложения, продолжения), имитационного типа (подражание, стилизации, пародии и т.д.). Среди переложений широкое распространение получили трактовки известных художественных произведений, пьес, фильмов.

Обсуждение проблемы прецедентности связано с понятием прецедентного текста, введенного в научный оборот Ю.Н. Карауловым. Прецедентными являются тексты “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [4: 216]. Прецедентными текстами, по Ю.Н. Караулову, могут быть цитаты, имена персонажей, названия произведений и имена их авторов. Основной корпус прецедентных текстов составляют произведения художественной литературы, мифы, библейские тексты, ряд видов “устной словесности”, публицистические произведения [4: 216]. В то же время Ю.Н. Караулов понимает тексты как культурные артефакты (вербальные и невербальные – визуальные), причисляя к ним и Храм Василия Блаженного, и “Троицу” А. Рублева.

Он выделяет три способа существования и обращения прецедентных текстов – натуральный, вторичный и семиотический. Натуральный способ существования и обращения прецедентных текстов в обществе предполагает их дохождение до читателя в первоизданном виде. При трансформированном, семиотическом способе представления обращение к прецедентному тексту “дается намеком, отсылкой, признаком” [4: 217]. Именно семиотический способ является сугубо прецедентным. Говоря о семиотическом способе существования и обращения прецедентного текста, Ю.Н. Караулов

имел в виду три способа его введения в дискурс языковой личности – через имя собственное (персонажа, автора), заголовок и цитирование [4: 225-230].

Семиотический способ функционирования предполагает, что одна единица является знаком для представления некоторой другой единицы. Знаки-индексы и знаки-символы, по Ч. Пирсу, соотносимы с двумя видами знакообозначения прецедентных текстов, поскольку прецедентные феномены могут быть указанием на прецедентный текст и/или символом, служащим отражением типов людей, порождают сознание и поведение определенной национальной культуры. По сравнению со стереотипом этот знак персонифицирован, он всегда связан с конкретным фактом (ситуацией, лицом, текстом) и обладает собственным значением, что отличает его от стереотипа, который не персонифицирован и/или обладает нулевой значимостью.

Прецедентность является важнейшей характеристикой фоновых знаний. Под фоновыми или общими знаниями понимается владение информацией о мире, обусловленной принадлежностью к определенному лингво-социокультурному сообществу, а также знание и понимание макро- и микропресуппозиций. Вербальный компонент фоновых знаний предполагает владение именами, фактами, высказываниями, прецедентными текстами, относящимися к культуросфере данного этносоциума.

Классификация прецедентов базируется на принадлежности сведений к определенной культуре – основному фонду сведений социально-культурного сообщества (ядру когнитивной базы) и фактам-однодневкам, а также явлениям массовой культуры. Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова предлагают включить в число прецедентных текстов тексты, обладающие ценностной значимостью в течение относительно короткого промежутка времени, а также тексты прецедентные для сравнительно узкого круга лиц [11: 40].

Не каждый культурный факт, неоднократно используемый в определенной культуре, можно причислить к прецедентным феноменам. Л.И. Гришаева полагает, что прецедентными являются только те из них, к которым представители соответствующей культуры обращаются в различные эпохи для данной культуры и которые имеют устойчивую связь с ценностной картиной мира, ясно осознаваемую представителями данной культуры. А повторяемость и общеизвестность сами по себе не являются критерием, отграничивающим прецедентные феномены от другого рода феноменов культуры [1: 31].

Прецедентные феномены представляют собой комплексный образец когнитивной обработки действительности определенным культурным типом, а прецедентный текст – образец обработки и восприятия информации и некоторый комплекс сведений о мире, а мыслительные модели выступают как структурные аналоги объективного мира.

Прецедентным является не само по себе классическое произведение, а знак для комплекса сведений, важных для определенной культуры, активизируемых в сознании этой культуры именем прецедента, связанного с текстовым произведением.

Прецедентные феномены вербально представлены в культуре определенного типа в виде цельных текстов, имен людей, артефактов, ситуаций. Термин прецедентные феномены используется как родовое понятие, прецедентный текст понимается как макро/микротекст, а культурный знак как репрезентирующийся в культуре разными способами [1].

Как полагают В.В. Красных и Д.Г. Гудков, хотя прецедентный текст является вербальным феноменом, однако в когнитивной базе он хранится в виде инварианта восприятия, знакомство с которым необходимо для представителей данного сообщества. Знакомство же с самим текстом желательно, но не обязательно [7; 2]. О.А. Леонтович, рассуждая о прецедентном тексте, полагает, что необходимо если не знакомство с полным текстом, то хотя бы минимальное знание его краткого содержания [8: 331]. Инвариант восприятия прецедентного текста (совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о тексте) может вербализоваться, по мнению В.В. Красных, путем пересказа или рассказа, хотя пересказ и рассказ представляют собой результат вторичной категоризации и концептуализации содержания [6: 49].

Определение инварианта представления как “минимизированного” нам представляется неудачным, поскольку минимизация предполагает эквивалентные преобразования структуры до более простой, что не соответствует сущности данного явления. Таким образом, по нашему мнению, прецедентный текст может ревербализоваться, т.е. подвергаться вторичной вербализации различных типов или активизировать в памяти определенные сведения, сам текст или его фрагменты и т.д., которые в дальнейшем подлежат языковой объективации.

Спорными представляются взгляды В.В. Красных, которая считает возможным выделение концепта художественного текста, который является воплощением интенции автора и служит “отправной точкой” для порождения текста. При этом “концепт текста, ставшего прецедентным, в результате действия алгоритма восприятия прецедентного текста, претерпевает в процессе данной обработки определенные изменения и приобретает статус инварианта восприятия прецедентного текста” [7: 129]. Столь же противоречивым представляется позиция Г.Г. Слышкина, рассматривающего концепт прецедентного текста как ментальную репрезентацию, построенную в процессе включения информации о тексте в цельную картину мира или языкового коллектива [10: 3]. Концепт прецедентного текста, по его мнению, является разновидностью лингвокультурного концепта.

Таким образом, понятие инвариант восприятия текста приравнивается к концепту прецедентного текста, поскольку под ними подразумевается

некоторый набор коллективных культурно-обусловленных представлений, существующих в лингвокультурном сообществе. А текстовая концептосфера, таким образом, включает в себя фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителей языка с известными текстами [10: 27].

Следует заключить, что прецедентные тексты представляют собой “особые интертекстуальные фрейм-структуры – которые, активизируясь в сознании читателя в процессе восприятия текста, способствуют адекватному пониманию его смысла, или, по крайней мере, задают направление понимания” [5: 9]. Таким образом, прецедентный текст можно понимать в качестве процесса и продукта речемышления, а также культурного знака/символа, в котором находят отражение этнокультурные эталоны и представления, указывающие на одобренные/неодобренные в том или ином лингвокультурном сообществе формы вербальной и невербальной деятельности и поведения. А сама проблема прецедентности рассматривается в контексте текстового взаимодействия и обуславливает актуальность проблемы “текст в тексте”.

Библиографический список

1. Гришаева, Л.И. Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. – Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002.
2. Гудков Д.Г. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Г. Гудков. – М., 2003.
3. Ионова, С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / С.В. Ионова. – Волгоград, 2006.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1997.
5. Кремнева, А.В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Дж. Стейнбека): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Кремнева. – Барнаул, 1999.
6. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002.
7. Красных, В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003.
8. Леонтович, О.А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003.
9. Поповская, Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе / Л.В. Поповская. – Ростов-на-Д.: Феникс, 2006.
10. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000.
11. Слышкин, Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004.